

УДК 930.9+94(5)

ББК 63.3 (0) + 63.3(5Кит-5Сян)

Факторы формирования политической культуры Гонконга в период британского правления

Г.З. Папашвили, О.Ю. Курныкин

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Factors of Forming of Hong Kong's Political Culture During the British Rule

G.Z. Papashvili, O.Yu. Kurnykin

Altai State University (Barnaul, Russia)

Выделяются и подвергаются анализу факторы формирования современной политической культуры Гонконга с целью выявления природы местных антиправительственных протестов. При рассмотрении массовых выступлений в Гонконге / Сянгане как специальном административном районе КНР внимание акцентируется на политических и социальных аспектах жизни гонконгцев. Рассматривается исторический путь формирования коренного населения Гонконга, состоявшего из аборигенов — кантонцев и хакка, пришедших с севера материкового Китая. Подчеркивается автономность происходящих в регионе процессов. Проводится анализ влияния британского колониального господства на гонконгское общество как важного фактора формирования его современной политической культуры. Рассматривается характер взаимодействия гонконгского правительства с населением в 1940–1960-х гг. Констатируется, что в этот период правительство придерживалось концепции минимального колониального государства и не приняло значимых мер для решения основных социальных и политических проблем. 1970-е гг. определяются как период коренных изменений в социально-политическом устройстве Гонконга, связанных с ускорением процессов модернизации и приобретением Гонконгом определенной степени автономии. Делается вывод о формировании своеобразной ментальности гонконгского общества, дается его характеристика, позволяющая говорить об особенностях его политической культуры.

Ключевые слова: Гонконг, политическая система, политическая культура, протесты, Британская империя, КНР.

The article formulates and analyses factors of forming of Hong Kong's modern political culture with the purpose of uncovering the nature of local antigovernment protests. Considering the mass unrest acts in Hong Kong as a special administrative region of the PRC, social and political aspects are emphasized. The article considers the historical way of forming of Hong Kong's initial population, composed of aboriginals — the Cantonese and aliens from the north — Hakka. Autonomy of ongoing processes in the region is emphasized. The article analyses influence on Hong Kong's society during Britain's colonial rule as a main factor of forming of its modern political culture. The article also considers the nature of Hong Kong's government interaction with its society in 1940–1960s. The article states that at this time the government adhered the concept of minimal colonial state and didn't take meaningful measures to solve the most important social and political problems. The period of 1970s, on the contrary, is defined as a time of fundamental changes in Hong Kong's socio-political structure. This is due to accelerating of modernization processes and Hong Kong's gaining a certain degree of autonomy at this time. The authors conclude that a unique mentality in Hong Kong's society was formed and gives its characteristic, which makes it possible to speak of the features of its political culture.

Key words: Hong Kong, political system, political culture, protests, the British Empire, the PRC.

DOI 10.14258/izvasu(2020)3-15

Феномен массовых протестов, развернувшихся в Гонконге с июня 2019 г., привлек внимание мировой общественности и стал предметом дискуссий среди исследователей. И это закономерно, поскольку протесты, отличавшиеся организованностью, массовостью и решительностью участников, заметно повлияли не только на жизнь 7,5 миллионов гонконгцев, но и на позицию значимых международных акторов, и на их взаимоотношения с Китайской Народной Республикой (КНР). Чтобы выявить природу массовых протестов, необходимо проанализировать особенности современной политической культуры гонконгского общества, что невозможно без рассмотрения факторов, повлиявших на ее формирование.

Феномен Гонконга как своеобразной части китайского социума и продукта европейско-китайского синтеза привлекает внимание зарубежных и отечественных исследователей. Особо стоит отметить монографию Л.М. Гудошника и К.А. Кокарева [1], которая стала первым в отечественной литературе комплексным исследованием политической и социально-экономической ситуации в Гонконге в контексте его возвращения под суверенитет Китая.

В монографии П. Робертс и О.А. Вестада [2] исследуются социальные трансформации в Гонконге в 1970-х гг.; статьи М. Чи-Квана [3] и Юй Чим Ло [4] посвящены британо-китайским переговорам о будущем Гонконга.

Политическая культура концентрирует в себе исторический опыт и, являясь его отражением, представляет собой совокупность относительно устойчивых политических убеждений, ориентаций, образцов поведения и деятельности всех участников политического процесса в обществе. Традиции в поведении той или иной социальной общности определяют специфику конкретной политической культуры. Именно традиции в значительной мере способствуют сохранению и передаче новому поколению характерных и наиболее устойчивых элементов политической культуры [5, с. 57–58]. В данной статье выделяются и анализируются социально-культурные и политико-экономические факторы, повлиявшие на развитие политической культуры гонконгского общества.

Определенную роль играют особенности географического положения Гонконга как островной и отдаленной от основных центров государства территории. Крайнее положение Гонконга определяло большую автономность происходящих здесь социально-культурных процессов.

Во время правления династии Мин (1368–1644 гг.) полуостров Коулун, входящий в состав Гонконга, привлек жителей с соседствующей с ним территории (современного городского округа Дунгуань провинции Гуандун), называвшихся кантонцами

(англ. Puntis) и говоривших на кантонском диалекте [6, р. 2–3]. Коренные жители Шаньдунского полуострова в северной части Китая в результате многочисленных вторжений варваров были вынуждены мигрировать (начиная с IV в. н.э.) и в конце концов достигли южной части страны (к концу XVII в.). Эти переселенцы с севера говорили на другом диалекте, кантонцы называли их *хакка* (букв. чужеземцы). Их даже описывали как китайцев, принадлежащих к иной расе [7, р. 55]. Так, две этнические группы, говорящие на различных диалектах, имевшие разные традиции и обычаи, сформировали первичное население острова Гонконг и полуострова Коулун.

Согласно имеющимся статистическим данным кантонцы и хакка на протяжении всей истории Гонконга составляли большинство населения как самого острова Гонконг, так и соседствующих с ним территорий. По данным доклада С.Е. Милвейни, в конце 1960-х — начале 1970-х гг. подавляющее большинство населения Гонконга составляли китайцы — 98% (4,37 млн чел.), среди которых выделяются кантонцы и хакка — земледельцы; группы населения, живущие преимущественно на воде — танка (кантонцы), а также городское население, состоявшее в основном из кантонцев [8, р. 4–6]. Эти данные совпадают с теми, которые приводит Я.Ч. Джарви, говоря о 4 млн населения Гонконга, из которых 1,5% — «некитайцы», в основном европейцы, включая общину жителей португальского происхождения [7, р. 24].

До передачи Гонконга под юрисдикцию Британской империи у острова не было названия, обозначавшего его как целостную территориальную единицу. На южном побережье острова располагался небольшой порт, сейчас известный как Абердин, который кантонцы называли Гонконг (англ. Neung Kong). Европейские моряки, по ошибке называя так остров целиком, соответствующим образом отмечали его на картах, в результате чего это название вошло в широкий оборот и фигурировало уже в Нанкинском договоре [9].

Как известно, с передачей территории Гонконга под юрисдикцию Британской империи в 1842 г. начинается колониальный период его истории, в рамках которого управление территорией осуществлялось извне. На данном этапе возрастает значимость британского влияния на социально-политические процессы в гонконгском обществе.

Тесное взаимодействие китайцев и европейцев в Гонконге привело к взаимопроникновению и синтезу их культур. Особенно быстро и охотно европейцы усваивали образованные слои китайского населения. Менялся внешний вид китайцев, их манеры, культурные предпочтения, язык — заимствовалось множество английских слов, названий, имен, а богатые и влиятельные представители гон-

конгского общества говорили на чистом английском языке. Представители среднего класса, появившиеся в Гонконге в 1970-е гг., были более прагматичны и расчетливы, чем его западные представители, критически воспринимали конфуцианские нормы и поведенческие стереотипы, свойственные традиционному китайскому обществу, были свободны от устоявшихся запретов [10, р. 56–57, 59, 133].

Однако эти изменения потребовали немало времени. Значительный период колониальной истории Гонконга характеризовался атмосферой недоверия и неприязни между китайским и европейским сообществами. Переломным моментом стали 1970-е гг., когда Гонконг получил определенную степень автономии, по мере улучшения социально-экономических условий сформировался средний класс, а среди гонконгцев проявился некоторый оптимизм по поводу обретения собственного пути развития. Данная тенденция отразилась и на трансформации политической культуры китайцев в Гонконге — они приобрели свободу и уверенность в выражении политических взглядов и предпочтений.

Сразу после Второй мировой войны экономика Гонконга, как и его производственная база, были разрушены, а восстановление, пусть и заметное, имело крайне низкие темпы. В дальнейшем потоки китайских беженцев, иммигрировавших в Гонконг после прихода к власти коммунистов на материке, дали толчок его поразительному экономическому росту [11, р. 78].

Вместе с тем на протяжении 1940–1950-х гг. политика правительства по обеспечению социальных услуг развивалась крайне медленно, что обуславливалось правительственным курсом в соответствии со статусом минимального государства, когда образование, здравоохранение и жилищное строительство рассматривались как сферы функциональной политики, главенствующая роль в осуществлении которой отдавалась общественным организациям или собственно самому человеку [12, р. 94]. Хотя с середины 1940-х гг. до середины 1960-х гг. наблюдался постоянный профицит бюджета, правительство не считало себя обязанным направлять излишки средств на социальное обеспечение [13, р. 73].

Еще одна сфера, требующая внимания в послевоенный период, — регулирование трудовых отношений. Нежелание правительства улучшить условия труда стало основной причиной анонимного насилия, ярким проявлением которого явились массовые выступления 1956 г. и 1966–1967 гг. Корнем всех проблем явилась неспособность политической структуры адекватно реагировать на требования широких масс и отсутствие у последних возможности институционализированно выразить свою точку

зрения. Политическая структура Гонконга осталась системой закрытых, сплетенных между собой комитетов, учитывающих лишь мнение китайских и британских бизнес-элит, и не имевшая устойчивой и формализованной связи с основной массой населения [13, р. 78].

Беспорядки 1966 г. начались в виде протестов против повышения цен на авиабилеты двух авиакомпаний, но это было всего лишь триггером для проявления недовольства. Настоящей его причиной была экономическая рецессия и существенное ухудшение благосостояния народа, значительная часть протестующих проявила готовность вступить в конфронтацию с полицией, которая была глубоко коррумпированной вплоть до уровня старших должностных лиц [14, р. 124]. 1967 г. характеризовался продолжением антиправительственных протестов, вдохновленных событиями «культурной революции» в КНР и приобретших ожесточенный характер.

Существенные изменения в политико-экономическом и социальном развитии Гонконга произошли с избранием в ноябре 1971 г. в качестве его главы Мюррея Маклехоса. Устойчивое экономическое развитие (рост ВВП в среднем на 9% ежегодно на протяжении 1972–1982 гг. [13, р. 129]) позволило не только поддерживать политическую стабильность, но и воплотить в жизнь мероприятия по улучшению социальных условий. Правительство сохраняло авторитарный характер и в какой-то мере все еще было отдалено от населения, но определившийся вектор на взаимодействие с последним и улучшение социальной политики повысили уровень доверия к властям и вселили во многих гонконгцев уверенность в завтрашнем дне.

Легитимность правящего режима базировалась именно на контакте с населением, чья точка зрения в оценке совершенствования качества жизни теперь играла заметную роль. Увеличение затрат правительства на социальное обеспечение (строительство школ, больниц, транспортной инфраструктуры и т.д.) позволило улучшить качество жизни и условия труда, а также расширило перспективы для молодежи. Экономическое процветание в совокупности с реальным ростом заработной платы привело к формированию среднего класса, вследствие чего появился запрос на услуги более высокого качества. Крупный полицейский коррупционный скандал 1973 г. привел к появлению Независимой комиссии по борьбе с коррупцией, за десятилетие превратившей Гонконг в место с наименьшим ее уровнем в регионе.

В начале 1980-х гг. отношение жителей к властным инстанциям Гонконга претерпело позитивные изменения — благосостояние народа стало на порядок выше, чем было десять лет назад, а молодежь име-

ла высокий уровень образованности. Согласно результатам исследования А.М. Шивли и С. Шивли [15, р. 39] процесс модернизации в Гонконге непосредственно повлиял на его социальную организацию, так как партикулярная природа традиционной организации китайского общества препятствовала бы этому процессу, оставаясь она доминирующей, и Гонконг не смог бы достичь такого высокого уровня экономического развития. Происходила постепенная реорганизация гонконгского общества по различным направлениям в соответствии с ценностями, доминирующими в индустриальных обществах.

В 1982 г. начались переговоры между Китаем и Великобританией по вопросу передачи Гонконга под юрисдикцию КНР. К тому моменту большинство его жителей, судя по результатам опросов Клуба Реформ и газеты *South China Morning Post* [13, р. 168], предпочитали статус-кво и испытывали крайнее нежелание оказаться под управлением Китая. На момент выработки Соглашения по вопросу передачи Гонконга в проекте Конституции КНР содержалось положение о специальных административных районах (САР), которые должны были иметь высокую степень автономии. Концепция САР создавалась с целью воссоединения с Тайванем, но быстро стала формулой решения проблемы Гонконга и Макао. В соответствии с ней законодательство и рыночная экономическая система Гонконга оставались нетронутыми, он оставался финансовым центром и свободным портом, гарантировались права и свободы граждан, проживающих на его территории. Даже тем, кто придерживался антикоммунистических взглядов, разрешалось действовать свободно в рамках закона. Однако избираемого на локальном уровне главу исполнительной власти Гонконга утверждали власти Китая.

С подписанием Объединенной китайско-британской декларации по вопросу передачи Гонконга

19 декабря 1984 г. [16] гонконгское правительство лишилось самостоятельности в принятии особо важных решений и не имело возможности действовать напрямую. Автономия бюрократических элит была нарушена, что способствовало усилению роли экономических элит в определении политического курса, а также предопределило невозможность проведения требуемых социальных реформ, что в итоге привело к кризису легитимности правящего режима и создало атмосферу турбулентности в политической среде.

Таким образом, фактор британского присутствия сыграл особую роль в формировании политической культуры гонконгского общества. Британское господство в Гонконге на протяжении длительного времени характеризовалось пренебрежительным отношением европейцев к китайскому населению и способствовало формированию у последнего колониального менталитета, который наложил отпечаток на самосознание гонконгцев. Принципиальные изменения произошли в 1970-е гг., в период активной модернизации Гонконга, результатом чего стало формирование своеобразной ментальности, свойственной гонконгскому обществу. «Гонконгец» — это новый тип китайца, совмещающего в себе сдержанность, прагматизм и реализм, свойственные традиционной китайской культуре, колониальный опыт китайца из Гонконга и либеральные взгляды, поведение и эмоции, порой проявляющиеся даже ярче, чем у европейцев. Важной составляющей политической культуры гонконгцев является опыт протестного движения (беспорядки 1966–1967 гг.), а также усиливающееся стремление к свободному самовыражению и самостоятельному пути развития, что подводит к пониманию природы современных протестных акций политически активной части гонконгского общества.

Библиографический список

1. Гудошников Л.М., Кокарев К.А. Гонконг. Особая автономия Китая. М., 1999.
2. Roberts P., Westad O.A. *China, Hong Kong, and the Long 1970s: Global Perspectives*. London, 2017. DOI: 10.1007/978-3-319-51250-1.
3. Chi-Kwan M. To 'Educate' Deng Xiaoping in Capitalism: Thatcher's Visit to China and the Future of Hong Kong in 1982 // *Cold War History*. 2017. Vol.17. Iss.2. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14682745.2015.1094058?needAccess=true>.
4. Lo Y.C. *The Last Stand of Colonialism? The Unofficial Members of the Executive and Legislative Councils and the Sino-British Negotiations Over Hong Kong, 1982–1984* // *The Journal of Imperial and Commonwealth History*. 2019. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/03086534.2019.1689620>.
5. Кокарев К.А. Традиционная политическая культура Китая и современность // *Проблемы Дальнего Востока*. 1997. №2.
6. M. A.G. *Hong Kong: Short History of the Colony and an Outline of the Present Political Situation in China*. Hong Kong, 1930. URL: <https://archive.org/details/hongkongshorthis00mag/page/n4>.

7. Jarvie I.C. Hong Kong: A Society in Transition. New York, 1969. URL: <https://archive.org/details/hongkongsocietyi0000jarv>.
8. Milvaney S.E. The Chinese Refugees in Hong Kong. Hong Kong, 1975. URL: https://archive.org/details/ERIC_ED116987/page/n3.
9. Treaty of Nanjing (Nanking), 1842. URL: <https://china.usc.edu/treaty-nanjing-nanking-1842>.
10. Morris J. Hong Kong. Hong Kong, 1988. URL: <https://archive.org/details/hongkong00morr/mode/2up>.
11. Friedman M., Friedman R. Free to Choose: A Personal Statement. Boston, 1979. URL: <http://www.proglocode.unam.mx/sites/proglocode.unam.mx/files/docencia/Milton%20y%20Rose%20Friedman%20-%20Free%20to%20Choose.pdf>.
12. Jones J.F. The Common Welfare: Hong Kong's Social Services. Hong Kong, 1981.
13. Scott I. Political Change and the Crisis of Legitimacy in Hong Kong. London, 1989.
14. Lethbridge H.J. Hard Graft in Hong Kong: Scandal, Corruption and the ICAC. Oxford, 1985.
15. Shively A.M., Shively S. Value Changes During a Period of Modernization: the Case of Hong Kong. Hong Kong, 1972. URL: <http://hkhiso.itsc.cuhk.edu.hk/history/node/622>.
16. Joint Declaration of the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Government of the People's Republic of China on the Question of Hong Kong. URL: <https://www.cmab.gov.hk/en/issues/jd2.htm>.